

О. С. ПОРШНЕВА

РУССКИЙ НАРОД В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В МЕМУАРАХ ВОЕННОГО АТТАШЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ АЛЬФРЕДА НОКСА*

В статье предпринята интерпретация текста мемуаров А. Нокса «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 гг.» с целью реконструкции образа русского народа в восприятии западного очевидца событий Русской революции 1917 года. С помощью методов исторической имагологии осуществлен анализ механизмов влияния культурных норм и этностереотипов, индивидуальных особенностей восприятия, роли революции в формировании интерпретационной стратегии Нокса, показано истолкование им черт русского характера, поведения солдат, офицеров, политических деятелей; его объяснение распространенных автостереотипов русских; проявления в тексте признаков колониального дискурса.

Ключевые слова: *Нокс, мемуары, русская революция 1917 года, русский народ, этностереотипы, колониальные стереотипы*

Дневник военного атташе посольства Великобритании в России генерал-майора Альфреда Нокса «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 гг.» является важным источником изучения образа русского народа в восприятии западного очевидца в переломную историческую эпоху. Интерпретация текста дневника позволяет не только реконструировать ментальный мир автора, но и осмыслить проблемы кросскультурной коммуникации в исследовании исторического опыта взаимоотношений России и Запада.

Одним из подходов, используемых для изучения мемуаров иностранных очевидцев событий революции 1917 г., является историческая имагология, рассматриваемая как инструментальный исследования механизмов межкультурных взаимодействий в истории. Историческая имагология нацелена на реконструкцию представлений о Другой, Чужой культуре, исследует этнические, национальные, географические, внешнеполитические, инокультурные образы и стереотипы. Инокультурные стереотипы включают в себя представления не только о национальном характере народа, среде его обитания, государственном устройстве, но и о его истории, культуре, современной жизни. На их основе возникают образы, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивиду-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

альном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы¹. Образы являются порождением не только внутривосточной и международной конъюнктуры, но и собственного ментального мира и социокультурного «багажа» субъекта восприятия. Использование методов исторической империологии позволяет реконструировать образ русского народа в восприятии А. Нокса, понять механизмы влияния культурных норм и этностереотипов на его формирование, роль революции 1917 г. в актуализации глубинных культурных установок.

Проблемы взаимовосприятия и взаимодействия носителей западной и российской культур в период Первой мировой войны и революции были предметом изучения в трудах Е.Ю. Сергеева, Е.С. Сенявской, А.В. Голубева, А.Д. Давидсона, Е.В. Рудой, Б.И. Колоницкого, В.И. Журавлевой, Яна Ф. Хубертуса, Н. Соула, С. Норриса и других исследователей². Опыт российской революции 1917 г. изучается авторами, в частности, в контексте проблемы межсоюзнического взаимодействия, формирования образов врагов и союзников в сознании представителей воюющих обществ периода Первой мировой войны. Так, исследование российско-британских отношений XIX и XX вв. позволило А.Б. Давидсону обосновать тезис об усилении взаимных симпатий двух народов накануне и в годы Первой мировой войны в условиях союзнического взаимодействия³. В то же время автор показал, что русофобия в Британии и англофобия в России оставались сильными, хотя и не охватывающими все общество явлениями, а в ходе революционных событий 1917 года взаимные фобии получили мощный дополнительный импульс⁴.

Важнейшими каналами взаимовлияния России и западных стран во время Первой мировой войны и революции были личный опыт и впечатления участников и очевидцев событий, как высокопоставленных, так и рядовых. Многие из зарубежных очевидцев революции, которые в той или иной форме участвовали в ней, наблюдали и переживали происходившее, зафиксировали свои впечатления в созданных ими текстах. Один из таких текстов – дневник Альфреда Нокса, впервые опубликованный в 1921 г. (в 2014 г. издан на русском языке⁵).

Текст А. Нокса является комплексным источником личного происхождения. А.М. Захаров, исследовавший их, пишет: «В основе его (источника – О.П.) дневник Нокса, точнее, его часть, посвященная событиям 1914–1917 гг. (остальную часть по неизвестным причинам ге-

¹ Голубев, Поршинева 2012. С. 9.

² Рудая 1996; Сергеев 1996; 2006; Колоницкий 1999; 2000; Давидсон 2005; 2007; Сенявская 2006; Голубев, Поршинева 2012; Журавлева 2012; Hubertus 1995; Saul 2001; Norris 2006.

³ Давидсон 2005. С. 54-55.

⁴ Там же. С. 55; Давидсон 2007. С. 181-197.

⁵ Нокс 2014; Кнох 1921.

нерал не считал нужным публиковать, хотя и упоминает о ее существовании)... Дневник вполне типичен для английского джентльмена из высшего света начала XX века – скрупулезная точность в хронометраже событий, простой и ясный язык, редко прорывающиеся наружу эмоции, подчеркнутое внимание к людям, нежели к событиям... Дневник, тем не менее, является лишь основой, но не самой книгой. Нокс на базе дневника создает мемуарное произведение. Дневник регулярно комментируется автором, достаточно часты включения документов (в основном, в газетных их версиях), цитаты из листовок и прокламаций»⁶.

На основе записей дневника и комментариев к ним можно реконструировать не только восприятие Ноксом событий революции 1917 г., но и его представления о характере русского народа, ярко, по мнению автора, проявившемся в ходе революционных потрясений. И хотя более поздние впечатления, опыт участия в российской Гражданской войне на стороне белых, знание о последствиях наблюдавшихся им процессов оказали определенное влияние на характер комментариев, анализ текста воспоминаний показывает, что дух первоначальных записей, «хронометрирующих» события, и их оценки, не противоречат друг другу. Это позволяет изучать данный источник как свидетельство очевидца, убедившегося в правильности своих первоначальных впечатлений, которые, однако, могли быть акцентированы, что делает их еще более «выпуклыми» для исследователя.

Типичные черты русских людей обнаружили, по мнению Нокса, в действиях Временного правительства вскоре после Февральской революции. Он отмечает нежелание его членов трезво оценить обстановку, неспособность отказаться от пустых речей, навести порядок. Со страниц дневника предстают официальные лица разных государственных структур – военных и гражданских, которых, в изображении Нокса, характеризуют и объединяют такие качества как неоправданный оптимизм, недалекость, недооценка объективных трудностей управления Россией в условиях войны и революции. Так, в ответ на опасение военного атташе по поводу невозможности продолжения Россией войны, председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко, как свидетельствует Нокс, ответил: «Мой дорогой Нокс, вам не следует волноваться. Все идет нормально. Россия – большая страна, она может одновременно выдержать и войну, и революцию». «Было точно сказано, – комментирует Нокс, – что Россия большая и неповоротливая страна, и это только усугубляло положение»⁷. Неспособность правильно оценить обстановку и боеспособность русской армии проявляли, по свидетельству военного атташе, Г.Е. Львов, Керен-

⁶ Захаров 2005. С. 88.

⁷ Нокс 2014. С. 511.

ский, Верховский, члены Петроградской городской управы и Генерального штаба⁸. «Оптимизм, который в то время владел, главным образом, официальными лицами, вызывал удивление»⁹, – пишет Нокс.

Характерной чертой мемуаров Нокса является изображение личных качеств политических и государственных деятелей в тесной связи с их способностью к управлению Россией в военных условиях, обеспечению успешных военных действий. Оценивая и отчасти оправдывая Николая II, Нокс замечает: «Как муж и отец Николай II был идеальным человеком. И если ему не удалось правление, то еще более знаковая неудача его последователей доказывает, что управлять Россией – нелегкая задача!»¹⁰. Нокс неоднократно обращается к фигуре А.Ф. Керенского, который, по его мнению, проявляет недальновидность¹¹, отсутствие здравого смысла, непомерное и слепое тщеславие¹². Так, в записи от 9 апреля он отмечает: «На общий совет притерпеться здравого смысла (в оценке плодов разложения армии – *О.П.*) Керенский, обладавший колоссальным тщеславием, отвечал “Оставьте!” под тем предлогом, что он лучше знал своих соотечественников, которых считал сверхлюдьми без характерных для любого человека недостатков. Его идея о возвращении политических ссыльных, на которой он настаивал с самоубийственной настойчивостью, привела к тому, что сам он был свергнут и, что гораздо более важно, Россия оказалась в руинах»¹³.

Главной темой дневника в той части, которая посвящена революционным событиям 1917 г., является состояние русской армии, которое автор рассматривает в тесной связи с оценками военных усилий России как союзницы. Нокс показывает неспособность Временного правительства к наведению порядка в стране и армии, пресечению произвола и насилия, чинимых солдатами и матросами. Вкупе с политизацией армейского организма, несовместимой с его сущностными основаниями, это привело, как свидетельствует военный атташе, к деморализации солдат, разложению армии и падению ее боеспособности. Так, после поездки на Северный фронт 28 (15 по ст. ст.) апреля он пишет: «Военные части превратились в политические сообщества. Пехота отказывается стрелять в противника и запрещает это делать артиллерии. Много говорят о предательстве в стане союзников, о том, что интересы России совпадают с интересами Германии, где (на самом деле – *О.П.*) смеются над доверчивостью русских солдат – выходцев из крестьян»¹⁴.

⁸ Там же. С. С. 530, 532, 625, 635.

⁹ Там же. С. 524.

¹⁰ Там же. С. 513.

¹¹ Там же. С. 529.

¹² Там же. С. 530, 615.

¹³ Там же. С. 530.

¹⁴ Там же. С. 551.

Помимо необоснованного оптимизма официальных лиц прекраснодушие и отсутствие рационального расчета проявлялось у всех русских во многих ситуациях, например, в неоправданном, по мнению Нокса, отношении к военнопленным: «Повсюду царит волна необычного человеколюбия. Явно невозможно назвать ни одну другую воюющую страну, где бы военнопленные объявляли забастовку, требуя повышения оплаты труда и лучших условий для жизни!»¹⁵.

Нокс опровергает типичные автостереотипы русских, давая им свое толкование. Отмечая распространенность стереотипа о широте русской души, что, на его взгляд, не вполне соответствует реалиям и, главное, препятствует трезвой самооценке и рациональному поведению, он приводит мнение «бывшего актера»: «С широкой русской натурой возможны такие эксперименты, о которых не может быть и речи в западных странах», и комментирует: «“Широтой” русской натуры любили объяснять любую нелепость. Нам же нужно лишь пусть чуть более узкое чувство здравого смысла»¹⁶. Здесь мы видим, с одной стороны, пример включения автостереотип идеализированных черт народа, а с другой – проявление типичной закономерности восприятия Другого, когда в его описании задействованы категории собственной культуры, в данном случае – идеал рационального поведения. Вера политиков и военачальников в особые свойства русского народа, как кажется Ноксу, была основой их неоправданного оптимизма в оценке состояния русской армии: «Генерал Драгомиров... ожидает психологического чуда. Он заявил, что ни он, ни тем более я не можем знать, что может происходить в душе русского крестьянина»¹⁷. О том же свидетельствует его разговор с помощником военного министра князем Тумановым, состоявшийся 5 августа. Туманов заявил Ноксу: «Ваш пессимизм основан на голых цифрах, но вы не берете в расчет прекрасную русскую душу!» В ответ Нокс привел данные о мужчинах, солдатах, грызущих семечки и слоняющихся без дела в то время, когда на фронт идут русские женщины, об отсутствии «такого позора» даже среди племен в Индии и т.п. Нокс замечает: «...ни одна нация, кроме русских, никогда не позволяла женщинам воевать и, конечно, британская нация никогда не допустит этого»¹⁸. В ответ на объяснение Туманова: «стыд в мужчинах умер в результате водочной политики предыдущего правительства», Нокс восклицает: «Да! Но тогда какой практический толк для возрождения страны может быть от прекрасной русской души?»¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 548-549.

¹⁶ Там же. С. 523.

¹⁷ Там же. С. 545.

¹⁸ Там же. С. 641-642; Следует отметить, что женщины использовались в британской и других армиях Первой мировой войны в тыловых подразделениях.

¹⁹ Там же. С. 602.

Эмоциональность, действия по велению чувств, а не рассудка, – характерная черта, в оценке Нокса, простого русского человека, крестьянина и солдата. В данном случае он транслирует широко распространенные в британском обществе представления об импульсивности, наивности русских, разделявшиеся даже благожелательно настроенными к России современниками²⁰. Восприятие эмоциональности и бесхитростности как недостатков во многом было обусловлено «призмой» британского взгляда, в основе которого – ценности прагматизма и рациональности. Так, Нокс приводит слова солдата-депутата о том, что «русский солдат привык больше руководствоваться тем, что подскажет ему сердце, а не рассудок, и тот, кому в этот момент удастся завладеть его воображением, сможет делать с ним все, что пожелает» и замечает при этом: «в этом утверждении содержится довольно много правды»²¹.

Другая отличительная черта русского народа, особенно крестьян и солдат, по мнению Нокса, – невежество, неграмотность, из-за которых они «глупы»²² и подобны детям, не понимающим последствий своих поступков. Он пишет: «Ведь в груди этого народа действительно бьется великое сердце, а солдаты в своем большинстве – всего лишь дети, и приводит случай, подтверждающий наивность солдат: они рыдали у церкви из-за того, что больше не могут молиться за императора. Когда им сказали, что они сами его убрали, они ответили: мы просто немного побунтовали, но мы не хотели его совсем убирать!»²³. «Глупость» и наивность солдат проявлялись, как показывает Нокс, во время братаний: «Русский крестьянин во время ответного (к немцам в окопы – О.П.) визита рассказывал все, что он знал о своих войсках, и возвращался к себе, – пишет Нокс, – счастливым и пьяным»²⁴.

Примечательно, что стереотип «русские – как дети» был весьма распространенным и среди других членов британской военной и дипломатической миссий²⁵. Он отражал расхожие в британском обществе того времени представления об отсталости, «варварстве» России, в рамках которых русские, даже представители элиты, казались британцам дикарями или, в лучшем случае, наивными импульсивными детьми, что во многом совпадало с британскими представлениями о «нецивилизованных» народах вообще²⁶. Подобные «колониальные» стереотипы в отношении России проявлялись, например, у побывавшего на русском фронте военного репортера газеты “Daily Mirror” Га-

²⁰ Адамов 2014. С. 53.

²¹ Нокс 2014. С. 545.

²² Нокс прямо пишет об «откровенной глупости солдат»: См.: Там же. С. 578.

²³ Там же. С. 525.

²⁴ Там же. С. 539.

²⁵ Портнягин 2014. С. 23.

²⁶ Адамов 2014. С. 54.

мильтона Файфа, который описывал русских как типичных «благородных дикарей» – честных, гостеприимных, суровых и суеверных. Файф объяснял сочетание кротости и жестокости в поведении русских солдат тем, что они были в некоторых отношениях просто «большими детьми»²⁷. Как известно, представление о «благородном дикаре», коренящееся в воззрениях Руссо, было одним из вариантов западного стереотипа восприятия «отсталых» народов.

Колониальные стереотипы были распространены во всех слоях английского общества, отражая культурную «утилизацию» и осмысленные колониального опыта страны XVII–XIX вв.²⁸ Несмотря на рост симпатий к России в английском обществе в 1907–1916 гг., подобные стереотипы проявлялись в восприятии союзницы в условиях Первой мировой войны. Их оттенки зависели от политического мировоззрения и оценки роли России в совместной борьбе. Если часть английских либералов, демократической интеллигенции отрицательно относились к союзу с авторитарной и «деспотической» Россией, то консерваторы и другие сторонники альянса были склонны использовать его в своих целях. Так, в статье англичанина Довера Вильсона, процитированной в российском демократическом журнале «Современник» в 1915 г., говорилось: «Россия, житница Европы, должна навсегда остаться по преимуществу аграрной страной... Россия – наш военный союзник, и именно ее промышленная отсталость делает ее непобедимой. Она похожа на некое огромное многоклеточное беспозвоночное животное, которое можно ранить, но которое невозможно уничтожить. Во-вторых, Россия обладает неисчерпаемыми природными богатствами. Естественно, что свет нуждается в ее сырых материалах и интересуется ее народом лишь как потенциальной дешевой рабочей силой»²⁹.

Нокс был, безусловно, сторонником союза с Россией, но даже в 1914 г., говоря об операции в Восточной Пруссии и признавая, что «многие русские сражались отважно и решительно до самого конца», отмечал, что «русские с их сангвиническим характером недооценивали трудности», «действовали как простодушные дети, которые ни о чем не думая, в полусонном состоянии забрались в осиное гнездо»³⁰. В период революции в сознании Нокса эти стереотипы восприятия России и русских стали проявляться активнее и сильнее влиять на оценки событий из-за несоответствия действий русских его представлениям о «долж-

²⁷ Там же. С. 57. Примечательно, что тот же Файф писал о неспособности к самоуправлению египетского народа из-за неграмотности, отсутствия опыта в общественных делах и интересов, выходящих за пределы рутины повседневной жизни. См.: *Белолитецкая* 2009. С. 224–225.

²⁸ *Белолитецкая* 2009. С. 224.

²⁹ *Современник*. 1915. С. 287.

³⁰ *Нокс* 2014. С. 74, 79.

ном» поведении народа-союзника, неприятия стремления русских солдат к миру. Он пишет: «все люди устали от войны. Они не желали сражаться, а их невежество и душевная черствость делали их способными с готовностью принять любой предлог, каким постыдным и надуманным он ни был, лишь бы он обеспечивал достижение мира»³¹.

Помимо усталости от войны и «отсутствия патриотизма» в большой степени невежеством и неосведомленностью русских солдат, по мнению Нокса, объяснялся успех германской пропаганды: «В прокламациях, которые противник передавал в русские окопы, всегда указывалось, что настоящим врагом России была Антанта»³². Нокс с негодованием пишет: «Что может русский солдат знать о “мире без аннексий и контрибуций”, формуле, изобретенной в Берлине специально, чтобы ввести его в заблуждение? Многие считают, что Аннексия и Контрибуция – это такие два города, и один из солдат на вопрос, понимает ли он этот лозунг, заявил, что лично он не знает, где находится Аннексия, зато Контрибуция точно располагается “где-то в Турции!”. Наверное, он путает это название с Константинополем!»³³. Неосведомленность большинства солдат о смысле данной формулы подтверждается другим, более благожелательным автором – французским славистом, членом французской военной миссии Пьером Паскалем в его «Русском дневнике». Он так пишет о ней в мае 1917 года: «Модная формула, в которой два иностранных слова – “аннексии” и “контрибуции” – были непонятны большинству из тех, кто их употреблял»³⁴.

Стереотип представлений о «наивности» русского народа проявляется в описаниях «честных» и «бесхитростных» крестьянских лиц среди недавно прибывших из глубинки новобранцев, воспринимавших происходящие в Петрограде революционные события, по свидетельству автора, с ужасом, изумлением, а порой – разочарованием³⁵.

Колониальные стереотипы и позиция культурного превосходства заметны у Нокса не только в олицетворении русских солдат-крестьян с детьми/дикарями, но и в утверждении о необходимости внешнего контроля над их поведением, в отсутствие которого они, по его мнению, повинуются примитивным инстинктам: «Не его вина в том, что он не образован и не обременен благородными инстинктами... сейчас, после того, как контроль, к которому он привык, утрачен, он будет двигаться именно в этом направлении (мира любой ценой – *О.П.*)». Примечательно, что на рубеже XIX–XX вв. в британском сознании так же

³¹ Там же. С. 605.

³² Там же. С. 539.

³³ Там же. С. 569; О непонимании смысла данной формулы солдатами Нокс пишет также на С. 586.

³⁴ Паскаль 2014. С. 191.

³⁵ Нокс 2014. С. 504, 521.

широко была распространена идея о необходимости внешнего контроля над поведением египтян, особенно актуальная для них после объявления в 1914 г. английского протектората над Египтом. В прессе постоянно муссировалась мысль о том, что египтянам необходим строгий ментор, так как их самостоятельное развитие проблематично, а генеральный консул в Египте Э.Б. Кромер в своем двухтомном сочинении писал, что египтяне, как дети, инстинктивно тянутся к дурному³⁶.

Первобытные инстинкты русского, как следует из записей, проявляются у него с наибольшей силой во время опьянения и в состоянии паники, когда он, как пишет Нокс, превращается в дикого зверя. Нокс передает свой разговор с помощником военного министра князем Тумановым об актах насилия русских солдат в Калуше: «Туманов заметил, что русские, которые в обычной обстановке обладают хорошим нравом, в пьяном виде или при возникновении паники превращаются в диких зверей», и комментирует это: «Хуже всего то, что сейчас русский человек в основном пребывает либо пьяным, либо в панике»³⁷.

С невежеством, «примитивностью» русского народа Нокс связывает и отсутствие у него подлинного патриотизма и осознанного понимания долга. В апреле 1917 г. он записал: «Энтузиазм, который заставлял французов бросаться в короткие битвы революционного периода, здесь невозможен, а даже если и будет так, то этого недостаточно для того, чтобы вести неграмотного русского солдата через череду тяжелых боев современной войны. Прежде солдат сражался, потому что боялся офицеров и наказания. Теперь он полностью потерял уважение к офицерам и знает, что его никто не накажет. У него отсутствует патриотизм и любой другой мотив, который заставил бы русского солдата испытывать энтузиазм»³⁸. Автор дневника не учитывает, однако, разочарования русских солдат, обусловившего поворот от патриотических настроений начала войны к антиправительственным и антивоенным, подспудно зревшим в низах армии с середины 1915 года³⁹.

Еще одна черта образа русского народа в восприятии Нокса – не дисциплинированность, признаваемая, по его свидетельству, и образованными русскими⁴⁰. 14 апреля в записке, переданной для Г.Е. Львова, он отмечал: «В современной войне дисциплина решает все. Дисциплина в русской армии при прежнем режиме всегда была менее строгой, чем в других армиях. Если агитация будет разрешена, как это происходит сейчас, с дисциплиной будет покончено совсем»⁴¹. Отсутствие

³⁶ Белолитецкая 2009. С. 225.

³⁷ Нокс 2014. С. 602-603.

³⁸ Там же. С. 545.

³⁹ См.: Поршинева 2004. С. 175-214.

⁴⁰ Нокс 2014. С. 532, 562, 578, 603.

⁴¹ Там же. С. 532.

уважения в низах к вышестоящим, «благородным» и образованным⁴² получило отражение на страницах дневника не только при описании разложения армии, солдатских расправ с офицерами, но и в других характерных эпизодах. Нокс пишет по поводу совещания, проводимого помощником командующего Петроградским военным округом Кузьминым, бывшим солдатом, а затем политическим каторжником: «Идея собрать 40 офицеров в звании полковника для того, чтобы изложить им взгляды бывшего каторжника по ряду вопросов, выглядит очень по-русски»⁴³, а в другом месте приводит слова полковника Балабана о способности русского человека всегда «свободно, не обращая внимания на чины, говорить с теми, с кем не имеет права этого делать»⁴⁴.

Индивидуальной особенностью восприятия является представление Нокса о характерной способности русских к свободному изложению мыслей. Описывая ход бесед с солдатами гвардейских запасных частей весной 1917 года, он отмечает, что после рассказов английских офицеров о дисциплине и порядках в британской армии, «обычно далее следовали речи нескольких членов батальонного комитета. Все говорили свободно и гладко, так как русские вообще являются прирожденными ораторами»⁴⁵. В данном случае автор не учитывал, что в солдатские комитеты в революционное время выдвигались прежде всего те, кто мог хорошо говорить и убеждать солдат, часто – выходцы из интеллигенции, служащих, прапорщики военного времени.

Проявляя непонимание глубины противоречий русской жизни и причин озлобления рабочих, Нокс пишет: «В комитете 5-й армии в Двинске находилась делегация из Кронштадта, в которую входили матрос с одутловатым нездоровым лицом, нервный фанатичный рабочий из тех, что годами могут размышлять о причиненных ему неприятностях, в том числе и мнимых. Все это по причине недостатка свежего воздуха и физических упражнений»⁴⁶.

События от Февраля к Октябрю и впечатления, зафиксированные на страницах дневника, дают, наряду с другими многочисленными свидетельствами⁴⁷, картину эволюции отношения русских солдат к союзникам. Разочарование было обоюдным. В воспоминаниях Нокса нашли отражение разнообразные проявления негативного восприятия им и другими представителями Антанты России и ее солдат как союзни-

⁴² Это можно объяснить, на наш взгляд, несформированностью традиций социального партнерства, длительным социокультурным отчуждением «низов» и «верхов» русского общества, переросшим в глубокий социальный конфликт в условиях революции 1917 г.

⁴³ Нокс 2014. С. 558.

⁴⁴ Там же. С. 603.

⁴⁵ Там же. С. 521.

⁴⁶ Там же. С. 538.

⁴⁷ См.: Поршнева 2014. С. 44-51.

ков⁴⁸. Нокс приводит мнение английского политика по поводу популярности в России лозунга «мир без аннексий и контрибуций»: «Когда русские бегут, подобно молниям, бросая свои собственные территории, им хватает наглости просить нас освободить территории, при завоевании которых мы потеряли сотни тысяч жизней», и комментирует: «Думаю, что этот политик выразил мнение всей Англии»⁴⁹.

Нокс описывает массовое нежелание русских солдат воевать, их равнодушие к территориальным потерям России и провозглашаемым правительством целям войны, высокую восприимчивость к антивоенной агитации, свободно проводимой в войсках «вредными элементами»⁵⁰. Среди объяснений причин разложения армии автор называет крестьянскую специфику восприятия «родины»: «Для среднего русского крестьянина его страной является собственный очаг на Волге или на Урале, где он родился и куда, как ему кажется, немцы никогда не смогут дойти»⁵¹. Действительно, ограниченность крестьянского патриотизма горизонтами своей местности и готовность защищать родной очаг от врага, непосредственно ему угрожающего, не раз отмечалась современниками, в том числе генералами и офицерами русской армии в годы Первой мировой войны⁵². Эта особенность была связана с господством традиционного патриотизма в крестьянской среде, характеризующегося приверженностью ценностям государства и/или региона, сохранявшимся локализмом крестьянского мировосприятия, по которому, однако, мировая война нанесла мощный удар, существенно расширив горизонты крестьянского сознания.

Таким образом, очевидно, что определяющей «призмой восприятия» Ноксом процессов, получивших импульс в ходе революции 1917 года, была проблема сохранения потенциала России как союзницы, что обусловило общую направленность оценок и ощущений автора мемуаров. Записи дневника демонстрируют ряд традиционных для общественного мнения Великобритании негативных стереотипов в отношении России и русских, разделявшихся Ноксом и обусловивших, наряду с оценкой последствий революции, истолкование им качеств русского характера. Несмотря на определенные симпатии в отношении русского народа и признание его заслуг в общей борьбе в 1914–1916 гг., Нокс связывает с глубинными свойствами русских людей ход и исход событий революции, не принимая во внимание целый ряд других факторов. Анализ восприятия Ноксом событий революции 1917 г. и роли в них

⁴⁸ Нокс 2014. С. 546, 593, 595, 609-610.

⁴⁹ Там же. С. 610.

⁵⁰ Там же. С. 506, 520, 537, 551, 559.

⁵¹ Там же. С. 537.

⁵² Брусилов 1929. С. 72; Головин 1939. Т. 2. С. 125; Деникин 1991. С. 89; Степун 1994. С. 270.

русского народа показывает плодотворность сопоставления индивидуального, группового и коллективного опыта переживания исторических событий их участниками и очевидцами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамов Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 53-58.
- Белоплицкая Н.А. Формирование британских стереотипов восприятия Египта в конце XIX – начале XX в. // Известия УрГУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 221-228.
- Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.-Л.: Госиздат, 1929. 250 с.
- Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939. Т. 1. 211 с.; Т. 2. 242 с.
- Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
- Давидсон А.Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51-64.
- Давидсон А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 181-197.
- Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. М.: Наука, 1991. 520 с.
- Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1141 с.
- Захаров А.М. Генерал Альфред Нокс – свидетель и мемуарист Февральской революции 1917 года // Актуальные проблемы социальных наук. Герценовские чтения, 2005. СПб.: б.и., 2005. С. 88-92.
- Колоницкий Б.И. Занимательная англофобия: Образы “Коварного Альбиона” в годы Первой Мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 69-87.
- Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 271-287.
- Мартынов А. Современные настроения в Англии // Современник. (Ежемесячный журнал литературы, общественной жизни, науки и искусства). 1915. № 10. С. 274-288.
- Нокс Альфред. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центр-полиграф, 2014. 671 с.
- Паскаль, Пьер. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916 – 1918) / П. Паскаль; пер.с фр. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
- Портнягин Д.И. Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г. // Великая война 1914-1918 гг. Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 3. М.: Квадрига, 2014. С. 22-26.
- Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 368 с.
- Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014 № 1 (42). С. 43-52.
- Рудая Е.В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1917 годах // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 175-183.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Сергеев Е.Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX - начале XX века // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. науч. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 166-174.
- Сергеев Е.Ю. Геополитические представления военной элиты России накануне Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 332-346.

- Стегун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: «Алетейя», Прогресс, 1994. 651 с.
- Hubertus F. Jahn. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca and London Cornell University Press, 1995. 229 p.
- Knox, Alfred. With the Russian Army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. London: Hutchinson, 1921. 760 p.
- Norman E. Saul. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, University press of Kansas, 2001. 483 p.
- Norris Stephen M.A War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. Illinois, 2006. 277 p.

REFERENCES

- Adamov D.P. Obraz soyuznika: Rossiya glazami britanskoy obshchestvennosti v gody Pervoy mirovoy voyny // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2014. № 1 (42). S. 53–58.
- Belolipetskaya N.A. Formirovanie britanskikh stereotipov vospriyatiya Egipta v kontse XIX – nachale XX v. // Izvestiya UrGU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2009. № 4 (66). S. 221–228.
- Brusilov A.A. Moi vospominaniya. M.-L.: Gosizdat, 1929. 250 s.
- Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoy voynе. V 2-kh t. P.: Tov-vo ob"edinennykh izdatel'ey, 1939. T. 1. 211 s.; T. 2. 242 s.
- Golubev A.V., Porshneva O.S. Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn. M.: Novyy khronograf, 2012. 392 s.
- Davidson A.B. Obraz Britanii v Rossii XIX i XX stoletiy // Novaya i noveyshaya istoriya. 2005. № 5. S. 51–64.
- Davidson A.B. Fevral' 1917 goda. Politicheskaya zhizn' Petrograda glazami soyuznikov // Novaya i noveyshaya istoriya. 2007. № 1. S. 181–197.
- Denikin A.I. Ocherki Russkoy Smuty. Krushenie vlasti i armii, fevral'–sentyabr' 1917. M.: Nauka, 1991. 520 s.
- Zhuravleva V.I. Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881–1914. M.: RGGU, 2012. 1141 s.
- Zakharov A.M. General Al'fred Noks – svidetel' i memuarist Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda // Aktual'nye problemy sotsial'nykh nauk. Gertsenovskie chteniya, 2005. Spb.: b.i., 2005. S. 88–92.
- Kolonitskiy B.I. Zanimatel'naya anglofobiya: Obrazy “Kovarnogo Al'biona” v gody Pervoy Mirovoy voyny // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 41. S. 69–87.
- Kolonitskiy B.I. Politicheskie funktsii anglofobii v gody Pervoy mirovoy voyny // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna. SPb.: «Dmitriy Bulanin», 1999. S. 271–287.
- Martynov A. Sovremennye nastroyeniya v Anglii // Sovremennik. (Ezhemesyachnyy zhurnal literatury, obshchestvennoy zhizni, nauki i iskusstva). 1915. № 10. S. 274–288.
- Noks Al'fred. Vmeste s russkoy armiey. Dnevnik voennogo attashe. 1914—1917/ Per. s angl. A.L.Andreeva. M.: ZAO Tsentr-poligraf, 2014. 671 s.
- Paskal', P'er. Russkiy dnevnik: Vo frantsuzskoy voennoy missii (1916–1918) / Per. s fr. V.A. Babintseva. Ekaterinburg: Gonzo, 2014. 592 s.
- Portnyagin D.I. Britanskie diplomaticheskie i voennye predstaviteli o sostoyanii russkoy armii i flota v 1917 g. // Velikaya voyna 1914–1918 gg. Al'manakh Rossiyskoy Assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny. Vypusk 3. M.: Kvadriga, 2014. S. 22–26.
- Porshneva O.S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny. M.: ROSSPEN, 2004. 368 s.
- Porshneva O.S. Evolyutsiya predstavleniy o soyuznikakh v massovom soznanii revolyutsionnoy Rossii 1917 g. // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2014 № 1 (42). S. 43–52.
- Rudaya E.V. Soyuzniki-vragi: Rossiya i Velikobritaniya glazami drug druga v 1907–1917 godakh // Rossiya i Evropa v XIX–XX vv. Problemy vzaimovospriyatiya narodov, sotsiumov, kul'tur. Sb. nauchn. trudov. M.: IRI, 1996. S. 175–183.
- Senyavskaya E.S. Protivniki Rossii v voynakh XX veka. Evolyutsiya «obrazov vraga» v soznanii armii i obshchestva. M.: ROSSPEN, 2006. 288 s.
- Sergeev E.Yu. Obraz Velikobritanii v predstavlenii rossiyskikh diplomatov i voennykh v kontse XIX – nachale XX veka // Rossiya i Evropa v XIX–XX vv. Problemy vzaimovospriyatiya narodov, sotsiumov, kul'tur. M.: IRI, 1996. S. 166–174.

Sergeev E.Yu. Geopoliticheskie predstavleniya voennoy elity Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny // *Военно-историческая антропология*. 2005/2006. М.: ROSSPEN, 2006. S. 332-346.

Stepun F. Byvshee i nesbyvsheesya. SPb.: «Aleteyya», Progress, 1994. 651 s.

Hubertus F. Jahn. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca and L.: Cornell University Press, 1995. 229 p.

Knox, Alfred. With the Russian Army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. L.: Hutchinson, 1921. 760 p.

Norman E. Saul. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, University Press of Kansas, 2001. 483 p.

Norris Stephen M.A War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. Illinois, 2006. 277 p.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

Russian people in 1917 revolution in the memoirs of a Britain's military attaché Alfred Knox

The author provides an interpretation of Alfred Knox's memoirs "With the Russian Army. The Diary of a Military Attache. 1914-1917" in order to reconstruct the Russian people's image in perception of this western witness of the 1917 Russian revolution. The influence of Russian revolution events, cultural norms, ethno-stereotypes, and individual perception on the Alfred Knox's interpretation strategy has been researched by the methods of historical imagology. The author discusses Knox's explanation of the Russian people's temper, soldiers', officers', and political leaders' behavior as its representation. Knox's interpretation of wide-spread Russian auto-stereotypes and his "colonial discourses" have also been taken into consideration.

Keywords: Knox, memoirs, 1917 Russian revolution, Russian people, ethno-stereotypes, colonial stereotypes.

Olga Porshneva, Dr Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru